

Похоже, речам Хань Чаншэна действительно удалось отпугнуть Ань Юаня, поскольку он больше не задавал вопросов. Таким образом, у них ушло еще несколько дней, чтобы добраться до секты Юэхуа.

Но, даже оказавшись неподалеку, они не могли в открытую вернуться туда. Старейшину Лань Фана и старика Сюаньцзи обнаружили мертвыми на задней стороне горы, тогда как преемственный меч секты Юэхуа, Меч Поющего Дракона, оказался похищен. Вдобавок ко всему, старик Сюаньцзи оказался лишен того, чем гордился больше всего, - своей внутренней силы. Ее утрата истощила все его силы. Одновременно с этим "Ли Цзюлун", в роли которого выступал Хань Чаншэн, и Ань Юань, оба старших ученика секты, исчезли, и никто уже долгое время их не встречал. Все подозревали, что они сбежали, совершив эти преступления.

К этому времени секта Юэхуа уже объявила их в розыск. Однако из-за того, что в этом деле хватало неувязок, секта Юэхуа хотела захватить их живыми. В объявлении говорилось, что как только кто-нибудь обнаружит следы их присутствия, ему следовало сразу же связаться с сектой Юэхуа, чтобы секта могла их захватить. Это означало, что если Ань Юань и Хань Чаншэн не станут сопротивляться, секта предпочтет вернуть их живыми и невредимыми.

Ань Юань с готовностью вызвался вернуться в секту Юэхуа, чтобы все объяснить, но Хань Чаншэн с ним не согласился. Даже если он признался Ань Юаню, что не является настоящим Ли Цзюлуном, это не означало, что он с такой же легкостью сможет раскрыть эту тайну другим. Если эти люди копнут глубже, они могли даже выяснить, кто он на самом деле.

Ни для кого не являлось секретом, что Ань Юань носил соломенную шляпу, скрывая свою несравненную красоту, и этим они лишь привлекли бы к себе внимание окружающих. Поэтому перед тем, как войти в город, Хань Чаншэн предложил Ань Юаню изменить его лицо.

- Почему бы нам не вернуться в секту Юэхуа и все им не объяснить? - спросил Ань Юань. - Старик Сюаньцзи по своей воле передал тебе свою внутреннюю силу, а старейшина Лань Фан добровольно отдал тебе Меч Поющего Дракона, и теперь ты единственный, кто знает, как все произошло. Тебе вовсе не обязательно таскать на спине этот черный горшок.

- Я не могу этого сделать, - стоял на своем Хань Чаншэн. - Просто задумайся. На самом деле я не Ли Цзюлун. И если я вернусь, глава секты непременно узнает об этом. Даже если я откажусь от Меча Поющего Дракона и верну его, мне не позволят остаться в секте. Что я буду делать, если они решат нас разлучить? Мое сердце начинает болеть от одной мысли о том, что мне придется жить вдалеке от тебя.

Ань Юань:

- ...

В конце концов, Ань Юань согласился и позволил Хань Чаншэну изменить свое лицо. После этого ему самому стало интересно, насколько хорошо Хань Чаншэн сможет его замаскировать.

Он увидел, как Хань Чаншэн развязал свой узелок, в котором оказалось множество наборов для маскировки. Там было больше дюжины кисточек, больших и маленьких, а также ошеломляющее разнообразие ручек, ножей и прочих мелких штучек.

Ань Юань взял в руки маленькую кисточку:

- Все это - инструменты для маскировки?

- Конечно, - отозвался Хань Чаншэн.

- Зачем тебе столько кистей? - спросил Ань Юань.

Хань Чаншэн посмотрел на него, словно видел перед собой круглого дурака:

- Эти три разработаны специально для изменения глаз, эти - для носа, вот эти предназначены для бровей. Для разной формы и очертаний, естественно, нужны разные инструменты. Или ты считаешь, что изменить лицо проще простого?

Ань Юань сказал, что все понял.

Держа в руках веер из кистей и прочих инструментов, Хань Чаншэн трудился над лицом Ань Юаня примерно столько, сколько времени требовалось человеку, чтобы выпить чашку чая. Затем он протянул зеркало Ань Юаню.

Взглянув на свое отражение в зеркале, Ань Юань испытал потрясение. Он не увидел даже намека на свою изначальную внешность. Если бы он сейчас доподлинно не знал, что это его отражение, то ни за что б не поверил, что может так выглядеть. Он бы решил, что Хань Чаншэн подсунул ему чужое изображение.

Зеркало показало, что Хань Чаншэн превратил изначально сияющие и яркие, подобно цветку персика, глаза Ань Юаня в пару узких щелочек. Далее Хань Чаншэн сделал ему распухшее лицо с изломанным носом. Его прежде чистую кожу усеяли оспины и прыщи, а прекрасные, пухлые губы превратились в сосиски. Если изначальная внешность Ань Юаня относилась к разряду несравненных красавцев, то теперь он выглядел настолько ужасно, что на него невозможно было смотреть.

Ань Юань засомневался:

- Почему... ты сделал меня таким?

Посмотрев ему в лицо, Хань Чаншэн произнес:

- Потому что ты настолько прекрасен, что любому захочется спрятать тебя подальше от чужих глаз. Позволь лишь мне одному наслаждаться твоей красотой.

Однако про себя он думал иначе: - "Прежде ты был слишком красив. Если я сделаю твое лицо таким, тебя определенно никто не узнает".

Ань Юань отвернулся. Но, хотя его лицо и стало горячим, этот румянец невозможно было бы разглядеть за толстым слоем его маскировки.

- Хватит подлизываться.

Благодаря свиноподобному лицу, собака-лорд, даже стесняясь, выглядел так, будто рассержен.

Хань Чаншэн с превеликим трудом задушил в себе желание запрокинуть голову к Небесам и как следует расхохотаться. Теперь, стоя рядом с Ань Юанем, он точно никогда не услышит, что этот лорд красивее его!

Закончив маскировать Ань Юаня, Хань Чаншэн временно спрятал меч в узелок. После этого он вместе с Ань Юанем отправился на поиски гостиницы, где они могли бы разузнать последние новости. Благодаря магическому превращению, наколдованному руками Хань Чаншэна, никто из обычных жителей города не смог их узнать.

Той ночью они остановились в гостинице. В гостиницах города Юэян хватало комнат для приема гостей, поэтому они разделились, сняв сразу две комнаты. После наступления полуночи, Хань Чаншэн тихо вышел из своей комнаты и, прокравшись на цыпочках, прижался ухом к двери Ань Юаня. Убедившись, что тот сладко спит, он тихонько вернулся в свою комнату, переделся в черное и покинул гостиницу.

Хань Чаншэн в одиночестве обошел патрулирующих учеников и направился вверх по горе, на которой раскинулась секта Юэхуа.

Стояла глубокая ночь, и ученикам секты Юэхуа не позволялось выходить из своих комнат. За исключением тех, кто охранял вход на гору, все остальные давно уже спали. На всей горе стояла спокойная тишина, в которой раздавался лишь стрекот цикад. Это позволило Хань Чаншэну беспрепятственно проникнуть внутрь секты, после чего он быстро отыскал комнаты учеников.

Внезапно Хань Чаншэн услышал, как кто-то практикует боевые искусства. Хотя свист, который издавал рассекавший воздух нож, был едва заметен, он отчетливо расслышал его в ночной тишине.

Снова.

В прошлый раз, когда он тайно посреди ночи бродил по горе, ему встретился кто-то, занимавшийся во тьме боевыми искусствами. Сегодня они снова столкнулись. И кто же здесь такой усердный? Затаив дыхание, Хань Чаншэн осторожно подкрался к источнику звука. Вскоре перед ним предстала фигура, танцующая с ножом неподалеку от комнат учеников.

Луна освещала фигуру этого человека. Его одежда ученика развевалась в воздухе вслед за ножом, описывающим дугу...

"Постой-ка!"

Хань Чаншэн так разволновался, что едва не выкрикнул это вслух. Этот человек использовал вовсе не прямой меч, что характерно для учеников секты Юэхуа, а изогнутый клинок!

Техника, которой владел этот человек, была не такой прямолинейной, как обычные техники владения мечом в мире боевых искусств. Напротив, она была очень мягкой и не склонна к размахиванию клинком, скорее тот постоянно двигался по дуге. Кроме того, по сравнению с другими предназначенными для сабли техниками, эта была слегка коварна и лишь отчасти ориентирована на наступление, при этом и защита ее оставалась практически непробиваемой. Хотя она и была очень осторожной, отыскать в ней какие-либо слабые места было непросто.

Притаившийся Хань Чаншэн продолжал спокойно наблюдать за происходящим, тем временем роясь в своей памяти и перебирая в уме все секты, владевшие подобными техниками. Мгновение спустя у него появилась кое-какая идея.

Сю Даомэнь.

Сю Даомэнь была маленькой сектой, и ее техника владения саблей (1) не считалась выдающейся в Цзянху. Поскольку она сосредотачивалась на обороне, что сильно отличало ее от остальных по большей части наступательных техник, ее было очень сложно довести до совершенства. Остальные ножевые техники стремились к доминированию, и они были у каждого на слуху, тогда как техника секты Сю Даомэнь, в соответствии с "Сю" в ее названии, была весьма незначительна. Однако Сю Даомэнь все же обладала некой долей известности, вот только не из-за своей техники, а благодаря своим ароматам. Глава секты Сю Даомэнь был очень хорош в приготовлении благовоний. Говорили, что благовония этой секты могли даже запутать разум людей. Это было нечто сродни волшебству. Остальные секты мечников считали их своего рода отступниками от праведного пути, из-за чего эта секта находилась в весьма неловком положении в мире боевых искусств.

Хань Чаншэн слышал о Сю Даомэнь, но эта секта была слишком мала, поэтому она его не заботила. До тех пор, пока он сегодня не вспомнил о ней.

Нож. Благовония. И, похоже, в центре всего этого находился Лю Сяоци. Он всегда использовал технику меча, которой обучали в секте Юэхуа, поэтому прежде Хань Чаншэн никогда не связывал их воедино.

Закончив свою тренировку, стоявшая в лунном свете фигура убрала саблю в ножны, а затем хорошенько спрятала их под одеждой. Затем она прокралась обратно к комнатам учеников. Хань Чаншэн наблюдал за ней до того самого момента, как она скрылась за дверью комнаты Лю Сяоци.

"Лю Сяоци!"

Хань Чаншэн специально посреди ночи покинул Ань Юаня, в одиночку отправившись на гору секты Юэхуа, поскольку подозревал, что Лю Сяоци может иметь какое-то отношение к убийству его отца, случившемуся пятнадцать лет назад. У него не было в этом полной уверенности, поэтому он ничего не сказал Ань Юаню.

Поразмыслив об этом, Хань Чаншэн осторожно направился следом за Лю Сяоци.

Лю Сяоци не стал зажигать свечу. Он спрятал под кровать свою саблю и внезапно услышал, как скрипнула дверь. Звук был в точности такой, как если бы он как следует не запер ее, и ветром ее слегка сдвинуло в сторону. Он быстро подошел к входу в свою комнату, но внезапно замер на месте. Немного поколебавшись, он все-таки запер дверь.

Затем Лю Сяоци обернулся. В комнате было настолько темно, что невозможно было хоть что-нибудь разглядеть. Однако он повернулся в определенную сторону и тихонько прошептал:

- Да шисюн?

---

1. Используется то сабля, то нож, возможно, автор имел в виду миниверсию сабли?

Минутка переводчика.

Держа в руках веер из кистей и прочих инструментов, Хань Чаншэн посмотрел в лицо Ань Юаня, мысленно пытаясь прикинуть, как бы лучше подправить его. Как быть с этими глазами феникса? С этими изящными бровями вразлет? Что сотворить с этим изогнутым луком губ?

Чем дольше он смотрел на него, тем сильнее погружался в видение, преследовавшее его с той самой ночи. С тех пор всякий раз, как он видел это лицо, оно словно зачаровывало его. В груди тут же сжималось, кровь начинала бурлить, а в теле возникали неведомые доселе желания. Он сам не заметил, как практически склонился над ним. И только когда легкое, как крылья бабочки, дыхание Ань Юаня коснулось его подбородка, ему удалось кое-как прийти в себя.

"Да что за черт здесь происходит?! Небеса что, играют со мной? Ну, погоди, собака-лорд, ты у меня попляшешь! Пытаешься соблазнить этого лаоцзы красивым лицом? Так я тебе покажу красоту! Никаких тебе Перышек Души Вишневого Снега! Лаоцзы сказал мелкое тухлое яйцо,

значит, быть посему!" - подумав так, он, прикусив от старания кончик языка, принялся мастерски орудовать кистями, после чего удовлетворенным взглядом окинул получившееся творение.

Затем он протянул зеркало Ань Юаню.

<http://bllate.org/book/14818/1320191>